

Здравоохранение Бичуры в документах и воспоминаниях (1890-1950 гг.)

Бичура в радостном ожидании перемен и новшеств в здравоохранении района. Связано это с завершением строительства медицинского Центра общеврачебной практики и функциональной диагностики. Есть надежда, что открытие нового медицинского учреждения позволит решить многие проблемы здравоохранения и будет способствовать улучшению обслуживания населения. Естественно желание остановиться, оглянуться, перелистать некоторые страницы истории медицины района, чтобы вспомнить, как это начиналось.

Первый врач

Всего сто лет назад на огромной территории Забайкалья врачей практически не было. Для старообрядческих и сибирских сёл, бурятских улусов было характерно почти полное отсутствие медицинского обслуживания. Это приводило к тому, что среди населения свирепствовали инфекционные болезни: туберкулёз, дифтерия, скарлатина, трахома, сифилис.

Лишь многовековой опыт народа – лекарей, лам (о шарлатанах не говорим) помогал одолеть какие-то хворости и недуги. Были времена, когда прикладная народная медицина уходила в подполье. Сегодня её значение медики не только не отрицают, но изучают и используют в своей практике. По документам, дошедшим до нас, можно судить о работе немногочисленных медицинских учреждений Забайкалья конца XIX – начала XX века и первых врачей.

Участники аймачной медицинской конференции. Бичура, 26 мая 1947 года

В 1890 году на работу и жительство в Бичуру приехал известный исследователь Забайкалья, врач **Николай Васильевич Кириллов**. Он должен был обслуживать 150 тысяч населения, жившего на площади 40 тысяч квадратных вёрст. Большинство жителей округа составляли семейские. Староверы встретили его крайне недружелюбно. Врача поражало их отношение к болезни и смерти близких. «Население, – писал Кириллов, – считает «грехом» противиться воле божией, рассуждая: «Бог дал утеху родителям поласкать детей и потом посылает «госпочку» (оспу), спешит убрать лишних, чтобы не стало тесно остальным». (*Государственный архив Читинской области. Фонд 1597, опись 1, дело 3*).

Запугиваниями против медицины религия крепко держала население в руках. Но несмотря ни на что, в постоянной борьбе с косностью три года вёл врач-подвижник огромную работу. Однако, дальнейшее проживание здесь грозило ему гибелью. И хотя Н.В. Кириллов занимался ещё и другой научной работой (исследованием климата Забайкалья), он вынужден был покинуть Бичуру. Этому предшествовал многолюдный сход протеста, который 24 июня 1893 года собрал волостной старшина. Темнота и невежество сделали своё дело. Но добрые семена, посеянные первым бичурским врачом, не пропали даром. Позже кое-какие медицинские знания всё же проникали сюда.

По воспоминаниям старожила **Евсея Даниловича Луговского**, один из бичурян, Перелыгин Исаак Иванович, в начале XX века, во время русско-японской войны был денщиком у военного врача. После демобилизации он дома делал прививки от оспы.

Первая учительница села Сухой Ручей **Раиса Александровна Борисова** в своих воспоминаниях о бичурском периоде жизни писала нам в октябре 1967 года:

В 1914 году в Бичуре не было ни одной больницы, но в селе был аптекарский магазин, где сам аптекарь был и лекарь, и фармацевт. В момент эпидемии была большая смертность, особенно детей, и молодые матери тайно приходили к аптекарю и просили привить оспу (уставщики считали это печатью Антихриста).

Если, случалось, прививалась оспа, то дома взрослые старались высосать из насечек весь прививочный материал через соломинку. И потому даже в послевоенные годы можно было встретить немало людей, лица которых изрыты, изуродованы оспой.

У истоков советской медицины

К моменту образования республики в 1923 году здесь имелось всего 23 врача и 79 других медицинских работников. Социальные болезни, отсутствие медицинской помощи приводили к тяжёлым последствиям. Народ вымирал. Бичура не была исключением.

Новая власть впервые в истории взяла на себя заботу об охране здоровья трудящихся. Были ликвидированы или резко снижены некоторые распространённые ранее болезни. Началась борьба с антисанитарией в быту и на производстве. Изменялось отношение к медикам. Сложилось почтительное и доверительное отношение к ним.

Но врачей по-прежнему не хватало, работала одна больница. В 20-е годы на 103 тысячи населения бывшего Троицкосавского района, куда входили часть Бичурского и Кяхтинский районы, был 1 врач, а также 8 фельдшерских пунктов, 2 маленьких больницы. *(Государственный архив РБ. Фонд 655, опись 6, дело 71, лист 119).*

В начале 20-х годов открылись первые фельдшерские пункты в Бичуре на Большой (Коммунистической) и Подгорной (Кировской) улицах. В 1923 году начал работать такой же пункт в Верхнем Мангиртуе. Ещё раньше, в 1922-м, встал вопрос о фельдшерском пункте в Окино-Ключах. Однако, население категорически отказалось от этого. Тайное голосование Окино-Ключёвского волостного собрания показало следующие результаты: за открытие медпункта в волости подано 9 голосов, против – 25. *(Протокол № 1 заседания Окино-Ключёвского народного волостного собрания от 3 августа 1922 г.)*

Однако сеть медицинских учреждений постепенно развёртывалась. Начали функционировать амбулатория (1933 г.) и аптека.

Добрую память сохранили земляки о первых медиках советских времён Бичуры, улуса Шибертуй и окрестных сёл. В 1926 году из Читы сюда прибыли супруги Семён Михайлович (1892-1930 гг.) и Клавдия Семёновна (1895-1961 гг.) Анд-роновы. Им удалось установить самые добрые отношения с местным населением. Клавдия Семёновна понимала бурятскую речь, а Семён Михайлович, как, впрочем, и его дети, прекрасно говорили по-бурятски. Медики уважительно относились к лекарям, ламам, считались с их знаниями народной медицины.

Первые врачи и фельдшеры были не только специалистами, профессионалами, но и созидателями, активными пропагандистами советской власти. Они строили медпункты и детские ясли, порой (горькие курьёзы!) разворачивали больницы в конфискованных кулацких домах. Были среди

бичурских медиков те, кто находил язык с местными лекарями, были случаи непонимания. Случалось, оговаривали врача, и он навсегда исчезал в зловещих коридорах архипелага ГУЛАГ... Так произошло с Семёном Михайловичем Андроновым. В кровавые мартовские дни 1930 года он был арестован. Поводом, скорее всего, послужило то обстоятельство, что он как медик оказывал помощь и тем, кто защищал советскую власть, и повстанцам. Уже 16 марта его дело было рассмотрено особой «тройкой» НКВД, а через полтора месяца, 30 апреля, обвинённый по статье 58. п. 2, С.М. Андронов был приговорён к ВМН (высшей мере наказания) – расстрелу. В 1955 году он был реабилитирован за отсутствием состава преступления...

В феврале 1935-го был организован Бичурский район, а в августе этого же года Бичурский райздравотдел. В своём распоряжении он имел Партизанскую амбулаторию на улице И.С. Афанасьева, Окино-Ключёвскую больницу, несколько фельдшерских пунктов. Началось форсированное строительство медучреждений. В 1935 году открывается первая районная аптека в Бичуре и больница в с. Малый Куналей на 10 коек. Функционировала больница на 5 коек в Шибертуе.

Добрая слава шла в довоенные годы о колхозе «Красное знамя труда». Здесь многое начиналось со слова «первый». Первая оросительная система, первый колхозный оркестр, первая звероферма, колхозный сад. И первый колхозный роддом.

Вспоминает **Пестимея Трифионовна Ткачёва** (Все воспоминания записаны в 2000-м году. – Н.К.)

В 1938-39 гг. я работала санитаркой в колхозном роддоме. Акушерками были Клавдия Семёновна Андропова и Сарра Петровна Трунёва. Медсестёр не было. Сарра Петровна приехала из Улан-Удэ вместе с мужем, первым колхозным шофером Василием Трунёвым. Двухэтажный роддом был построен колхозом. Огородили большую территорию, посадили сад – черёмуху, берёзу, акацию, ели, даже два кедра росли. Мне приходилось ухаживать за садом. В саду стояли беседки. На второй этаж вели две лестницы: одна внутри здания, вторая – снаружи, на открытую веранду с точёными балясинами.

На первом этаже были столовая, кухня и прачечная. Поваром работала Анна Мануиловна Тюрюханова, прачкой – приезжая, Тоня Рудых. Мужа её, колхозного техника-механика, скоро увёз «чёрный ворон». На втором этаже была палата на 6 коек, родовая комната и небольшая приёмная, где во время смены находились акушерки.

Кормил рожениц колхоз. Продукты – муку, мёд, крупы – выдавали вдоволь. Медицинское обслуживание и питание бесплатное. Акушерки

получали заработную плату в больнице, мы работали от колхоза за трудодни.

Женщины вековечно на дому рожали, с бабкой, но теперь они с охотой шли в роддом. Случалось, прямо с поля привозили. Роддом был колхозный, но никому не отказывали. Перед войной детей рождалось много, работали круглый год. Трое моих первых сыновей тоже тут родились. Нас закрыли, когда открылось родильное отделение в райбольнице. Это уже в 50-х годах. Позже здание колхозного роддома перевезли на территорию школы по Коммунистической улице под мастерские. Оно и сейчас стоит. Мимо прохожу – всегда смотрю, довоенные годы вспоминаю. Bravo жили!

Помню, из Москвы фотокорреспондент приезжал, снимал у роддома наших женщин в семейских костюмах: Василису Спиридоновну Тюрюханову, Хритинью Дмитриевну и Прасковью Савельевну Белых, а на руках у них новорождённые младенцы. Найти бы эти карточки. Их тогда не то в Москву, не то в Ленинград увезли.

Мои многолетние старания найти уникальные фотографии не увенчались успехом.

А за Бичурой, в шести километрах от центра, «в степи», как тогда говорили, уже возводилось двухэтажное здание районной больницы. Депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза «Красное знамя труда» **Ермолай Логинович Петров** пишет письма в разные инстанции, добывая мебель, медицинское оборудование, всё необходимое для нормальной работы больницы:

Народному комиссару здравоохранения СССР тов. Гращенкову – по просьбе избирателей.

В Бичурском районе Бурят-Монгольской АССР вновь выстроенная больница имеет стратегическое значение (район считался пограничным. – Н.К.), но не имеет соответствующего оборудования, мягкого и твёрдого инвентаря и предметов ухода за больными.

Отдел медицинского снабжения Бурнаркомздрава не обеспечивает сделанной заявки, что затрудняет пуск в эксплуатацию больницы.

В целях скорейшего и культурного обслуживания колхозных масс медицинской помощью, прошу Вас дать распоряжение соответствующим организациям о выделении Бурнаркомздраву Бурят-Монгольской АССР для Бичурского района необходимое оборудование:

- 1. Кроватей с сетками – 50 штук.*
- 2. Одеял плюшевых – 50 штук.*
- 3. Умывальников мраморных – 6 штук.*
- 4. Полный набор оборудования для зубного кабинета.*

5. Полный набор стёкол для определения зрения по подбору очков.

6. Карету скорой помощи.

7. Легковую машину для разъездов врачей по району, осуществления контроля над медсетью и ходом работ в ней.

8. Весы для взвешивания детей в детской консультации и родильном отделении – 2 экземпляра.

Кроме того, прошу об укомплектовании штатов амбулаторий врачами в Окино-Ключах, Малом Куналее, Загане и Нижнем Мангиртуе и об улучшении снабжения предметами ухода за больными.

О Вашем решении прошу меня уведомить по адресу: н/о Бичура, Бурят-Монгольская АССР, Петрову Ермолаю Логиновичу.

Вскоре последовало распоряжение Наркомздрава СССР:

Народному комиссару здравоохранения РСФСР тов. Белоусову И.И.

Копия: Депутату Верховного Совета СССР тов. Петрову Е.Л., н/о Бичура, Бурят-Монгольская АССР.

Препровождая при сем письмо депутата Верховного Совета СССР тов. Петрова Е.Л. об обеспечении оборудованием больницы в Бичурском районе Бурят-Монгольской АССР, учитывая отдалённое расположение этой больницы и особые условия её работы, прошу дать указания о срочном выделении просимого оборудования.

О Вашем распоряжении прошу поставить меня и тов. Петрова в известность.

Зам. Народного комиссара здравоохранения СССР

А. Терентьев.

Всё «просимое» оборудование, кроме легковой машины, было предоставлено колхозному роддому.

Медицина Бичуры вставала на ноги, но нужда в кадрах медиков была почти до 60-х годов. Здесь работали только приезжие врачи. Один из них, Пичурин Семён Иосифович, имел бронь на свою жилплощадь в Москве, цитирую: по улице Петровке в доме № 24, кв. 151. Срок брони кончается 1 августа 1939 года. Е.Л. Петров незамедлительно пишет письмо начальнику Мосжилотдела Моссовета, в котором просит о продлении брони на жилплощадь врача Пичурина на один год, так как он работает в особом районе, показал себя с лучшей стороны и заслуживает дальнейшего пребывания на работе в Бичурском районе.

Итак, район обрёл прекрасную больницу, достаточно хорошо оснащённую и укомплектованную кадрами. В 40-м году приехали в Бичуру после окончания мед-училищ «на Западе» три подруги: Надежда Михайловна

Никитина (Иванова), Александра Максимовна Абрамова (Пес-терева), Александра Григорьевна Алексеева (Павлова).

Вспоминает **Надежда Михайловна Иванова:**

Нас направили в новую Бичурскую раймедбольницу. Дворец – не больница, с большими окнами на солнечную сторону, с деревянной резьбой по фронтому и карнизам. Внутри дорожки, кровати с никелированными шпичками, даже радиорепродуктор на балконе. Двухэтажная больница имела четыре крыла. На первом этаже бухгалтерия и приёмный покой, на втором детское отделение. Одно из крыльев занимало родильное отделение, другое – хирургия, третье – инфекционное. В особом помещении разместили туберкулёзных больных. Больница большая, однако было тепло, так как отопление было не печное, а водяное.

Но недолго простояла деревянная красавица. То ли сплавной лес, из которого она была построена, был сырой, то ли по каким другим причинам, только на глазах, за два года, сгнила, «сопрела» больница. Съел её грибок. А виновные... Виновные всегда найдутся.

Глухой декабрьской ночью тридцать седьмого года «чёрный ворон» навсегда увёз приезжего техника-строителя В.Г. Бежецкого. А началось его «дело» ещё в начале этого же года. Трудно сказать, с чего началось: с доноса недоброжелателей или с искреннего желания комиссии аймисполкома выявить качество строительства. В «Деле» Василия Григорьевича сохранился акт комиссии, который, увы, и «открыл» ему путь в тюрьму как «вредителю». 25 декабря 1937 года В.Г. Бежецкий был арестован. Но передопрошенные через 20 лет, в 1957 году, свидетели полностью отрицали то, что было записано в их показаниях на том далёком следствии. Тогда и было отменено постановление «тройки» НКВД.

Давно нет памятной многим бичурянам больницы, нет могилы её главного строителя, но ещё в 90-е годы были живы дочь и внуки безвинно погибшего строителя Василия Григорьевича Бежецкого. О трагедии поведала мне его семья и Дело № ..., более полувека пролежавшее на полках КГБ с грифом «Секретно». К Делу я была допущена в конце 80-х годов прошлого века, когда работала над темой «Репрессии в Бичуре».

Сороковые роковые

«Живут во мне воспоминания...»

Роберт Рождественский.

Сохранилась редкая коллективная фотография медицинских работников Бичурского района первых послевоенных лет. Те, кто постарше, могут узнать

некоторых из них. Многие имена и лица знакомы и мне. На фотоснимке – участники аймачной медицинской конференции, состоявшейся 26 мая 1947 года. Большинство из них работали в Бичуре и в войну, многие остались здесь навсегда, здесь обрели свою судьбу, семью, признание и завершили здесь свой земной путь.

Все врачи и даже медсёстры были из западных областей России. Перед войной, в сорок первом, в республике было единственное медицинское учебное заведение – фельдшерско-акушерская школа.

Свои воспоминания продолжает **Надежда Михайловна Иванова**:

Моя родина – Смоленская область, Ельницкий район, деревня Гретчино. В сороковом году закончила Ельницкую медицинскую школу по специальности медсестра и по заявке Минздрава Бурятии нас, 12 человек, распределили сюда. В Минздраве нас встретил Быков (не знаю, кем он был), получили по 700 рублей подъёмных и едем в неведомую Бичуру – 5 девушек из Смоленской и Горьковской областей. К счастью, здесь оказалась прекрасная больница. Работала санавиация. Аэродром – прямо при больнице. Случалось, отправляли тяжёлых в Улан-Удэ. Иногда врачи прилетали по нашему вызову. Был в больнице телефон. Заведующей райздравотделом была Татьяна Сергеевна Пруткоглядова – строгий, требовательный руководитель и душевный человек. Мы очень уважали её. Медсестра была одна на этаж.

До войны жили и работали нормально. В войну вспыхнул тиф. Мы с Шурой Алексеевой тоже им переболели. Дети болели корью, скарлатиной, дифтерией.

Врачи учили медперсонал оказывать первую помощь в полевых условиях, руководили подготовкой значкистов «Готов к санитарной обороне». Медики оказались на переднем крае, их брали на фронт. Призвали в армию главврача Виктора Александровича Малыгина, завхоза Михаила Ладыженского. Сразу после окончания Усманского медучилища оказался на фронте фельдшер Окино-Ключёвской больницы Толстых Иван Матвеевич. Призвали медсестёр Зину и Аню Ивановых. Вернулись ли они с фронта, не знаю. Все следы потерялись. Наши подруги медсёстры были на год старше нас, они с двадцать первого года. Нас предупредили: через год и вам на фронт. Но война закончилась.

Многие медики становились донорами. Начались неизбежные трудности во всём. Систему водяного отопления заливали водой вручную. Вёдрами носили воду на чердак, чаще всего ночью. Потом отопление отказало совсем... Холод. Стали ставить железные печки. Ходячие больные сами подкладывали дрова. А питание... Вот обычное меню:

Завтрак: кипяток, хлеб. (Хлеб 200 г. на сутки. В конце войны стали давать 400 граммов).

Обед: суп из чечевицы.

Ужин: картофель, кипяток.

Завхоз, дядя Миша Ладыженский, хороший был, заботливый, расторопный. Что-нибудь да добудет для больных. Но, что скрывать, приходилось больным и самим подкармливаться: подсолнухами, бобами, горохом. Благо, рядом были поля колхоза «Красная звезда» (позже «Рассвет»). Держали при больнице подсобное хозяйство, доились две коровы. Подсобным хозяйством занимались завхоз и повар Наташа Савельева (Соколова).

Жили мы и на квартирах, и при больнице. Транспорта не было. На вызова – пешком. А Бичура на 16 километров раскинулась. За врачом отправляли лошадь. Во время дежурства нам разрешалось питаться в больнице, деньги высчитывали из зарплаты. Моя первая ставка 212 рублей. Многократно подписывались на военные займы. Местные вносили натурой, вязали варежки, носки, шили наволочки, кисеты, собирали посылки. Наш вклад был в основном деньгами. Собирали средства на постройку танков и самолётов. Так что получать было почти нечего. Отпусков, как и у всех, не было, но мы не сетовали. Нас, молоденьких приезжих медсестёр, подкармливали местные жители, наши нянечки, санитарки. Люди добрые и щедрые делились последним.

Добрым словом хочется вспомнить врачей военных лет Елену Сергеевну Леухину (зубной врач), Полину Ефимовну Макасину (терапевт), Нонну Яковлевну Лысову (педиатр), Татьяну Петровну Руцкую, Веру Григорьевну Морозову (хирург), фельдшеров Хабаргина и Кузина, Смирнова Михаила Яковлевича.

В больнице и в районных детских яслях медсестрой я проработала 40 лет.

*Из воспоминаний **Александры Максимовны Абрамовой** (Пестеревой):*

В Бичуру мы приехали вместе с Надей Никитиной и моей землячкой Шурой Алексеевой (Павловой). Мы с Шурой из деревни Чудь Муромского района. Вместе 7 классов окончили, поступили на медсестёр. Шура в Сибирь – и я за ней. Первым главврачом была для нас Анна Ивановна Сорокина, потом Виктор Александрович Малыгин.

Попала я по распределению в Нижний Мангиртуй в 30 километрах от райцентра, где был фельдшерский пункт и колхозный роддом. Участок большой: сёла Билютай, Харасун и два Мангиртуя. Делать приходилось всё: случалось и зубы удалять, и раны зашивать, и роды принимать. На вызовав

соседние деревни ездили на быках. А там надо не одну гору поднять. Быки в жару лягут на дороге и хоть плачь. Идёшь пешком. Лекарства с собой, получали в районной аптеке. Коня, а позже и машину, дали только после войны. По четвергам, в профдень, ходили по бригадам, фермам, делали противодифтерийные уколы, наблюдали чистоту, а заодно выпускали «боевые листки» со сводками с фронта. Радио и газеты мало у кого были. Случались вспышки инфекционных заболеваний, но ни одного ребёнка мы на своём участке не потеряли. В сорок пятом году было последнее заболевание тифом. Глюкозы, пенициллина не было. Как сейчас помню, умер в войну от воспаления лёгких молодой учитель, фамилию не знаю, а лицо до сих пор перед глазами стоит.

В войну началась повальная дистрофия. До 50 человек в двух деревнях лежало. Приедешь – стеклянный человек перед тобой. А чем помочь? За продуктами для больных ездили в Окино-Ключи, колхозной картошкой кормили. Дома у многих курице клюнуть нечего. Нам в колхозе хоть немного давали хлеба, мяса под зарплату. Позже стали получать сухой паёк: 12 кг муки на месяц, ещё кое-что – сухари, масло. Но это уже в конце войны.

Обносились мы до основания, ни одеть, ни обуть. Я в ичигах ходила. Сначала было стыдно, молодые же, но что поделаешь! Санэпидстанция дала мне белый полушубок, валенки пребольшого размера, три метра коричневой ткани, редкой, как марля, и заячью шапку. Вот тут-то я ожила.

Проработала в медицине сорок один год. Теперь вот очень плохо со зрением. И вообще... Невёселая жизнь настала. После войны на родину только на двадцать втором году жизни в Бичуре съездили с мужем. То война, то разруха, то дети да недостатки. И отца, и мать похоронили без меня. А теперь уж и не мечтаю побывать в родных краях.

Вспоминает Полина Андреевна Ястребова:

Я окончила рокковские курсы при райбольнице. РОКК – районное отделение Красного Креста. Здесь же проработала десять лет в туботделении и двадцать один год патронажной сестрой. Самые страшные воспоминания войны – «похоронки» и голод. Не дай Бог видеть детей – дистрофиков, синих, отечных. Ели крапиву, сарану, повилицу. А эта повилица – сплошная земля. Её сеют-веют – пыль столбом. Маялись животами, были случаи заворота кишок. Росла эта повилица у нас на Ялыме. Вечером соберут её люди, утром опять метут – будто она за ночь родилась. Выбора лекарств не было: норсульфазол да аспирин. От туберкулёза – стрептомицин. Антибиотики появились позже.

В тощей подшивке районной газеты «Ленинский путь» за 1943 год я обнаружила заметку под заголовком «Ничего не пожалею». Её написала

акушерка роддома колхоза «Красное знамя труда» Сарра Петровна Трунёва. Её муж находился в армии. В годы войны все медицинские работники вносили в Фонд обороны деньги и ценности, если, конечно, они были. Бичуряне не остались в стороне. **Сарра Петровна Трунёва** пишет:

Узнав о выпуске Второго Военного займа 1943 года, я, жена военнослужащего, имея на иждивении двух детей, получая в месяц 375 рублей, подписалась на заём 3000 рублей и внесла их наличными. Это составляет 800 процентов моей месячной зарплаты.

Я хорошо знаю, куда идут мои взносы. Пусть же мои сбережения превратятся в грозные гранаты, падающие на головы гитлеровских банд.

(«Ленинский путь» № 42, 1943 год.)

После Победы

О том, как трудились медики района после войны, по моей просьбе написала **Александра Васильевна Кашина (Иванова)** из Кабанска. Первые годы её работы связаны с Бичурой.

Воспоминания о бичурском периоде жизни всколыхнули меня. Вспомнилось пережитое, трудное послевоенное время. Меня так тянет побывать в Бичуре, где я все улицы из дома в дом пешком прошла с подворными обходами, с различными заданиями.

Жилось трудно. Карточная система. На карточки купить нечего. Хлеб – и то не всегда. Но народ жил дружно, хотя очень бедно. В моей памяти осталось многое. А начиналось так. Родом я из г. Серпухова Московской области. После окончания Серпуховского медучилища в октябре сорок пятого года была направлена в Бурятию. Нас приехало семь человек. И вот осенним днём мы – несколько демобилизованных солдат, я и одна женщина с гипсовой повязкой на ноге, сидевшая в кабине, – выехали на полуторке из Улан-Удэ. К переправе через Хилок приехали поздно, заночевали в местности Балеевка на полевом стане, а утром переправились через реку. Около кинотеатра вышла у дома пассажирка с забинтованной ногой, здесь же сошла и я. Мне показали райздрав. Оказалось, я ехала с демобилизованным Андреем Захожеевым, дошедшим до Германии, и снайпером Клёрой Карпенко: она возвращалась после ранения из госпиталя.

В Бичуре фельдшерские пункты имелись уже в большинстве сёл. В аптеке заведующими были Надежда Новолодская и Варвара Токмакова. В войну заведующей аптекой была Дина Петровна Фарафонова из Белоруссии.

Помню медиков той поры. Позже на родину, в Кривой Рог уехала заведующая райздравом Татьяна Сергеевна Пруткоглядова. Леухина

(Семёнова) Елена Сергеевна жила в Улан-Удэ. Помню Лысову Нонну Яковлевну (педиатр). Хирург Волкова Анна Никитична позже работала в межрайонной, а затем в республиканской ВТЭК. Я вела приём трахоматозных и всех глазных больных плюс работа в венерологическом пункте и ещё одна обязанность – охрана материнства и детства. Это хлопоты по открытию детских садиков в колхозах. Но хозяйствам тогда это было не под силу – время тяжёлое. Медиков явно не хватало, и нам, «средним», доверялось многое.

Обеспечение жильём плохое, жили работники в основном на фельдшерских пунктах. После войны многие врачи вернулись на родину: в Москву, Ижевск, Ленинград, Днепропетровск, Ставрополь. Ростов, где они окончили вузы и откуда были направлены в Бурятию.

Транспорта не было, но при амбулатории содержали лошадь на подсобных работах, и на ней работал завхоз дядя Вася Гнеушев. Не было и электричества, но мы пользовались коммунальными услугами: на месяц 2 литра керосина, 2 кубометра дров и 30 рублей за жильё. Отголоски войны явно чувствовались на селе. Сиротство, нищета. В Окино-Ключах и Хайцыгыре случился сыпняк, я работала на этих эпидточках.

Запомнилась мне первая пациентка в глазном кабинете. Девочка с больными глазами, она ничего не видела, её водили за руку. Она приехала из Буя или Узкого Луга, её каждый день водили ко мне в амбулаторию. Я лечила, наблюдала, а когда ей стало лучше, смотрю, она сама привела за руку кого-то из своей семьи, не помню, сестрёнку или братишку, но фамилию помню до сего дня – Астрихинская.

Единственный детский садик возглавляла Нина Петровна Чернышова. Летом работали колхозные детсады.

Особо скажу о хирурге Волковой Анне Никитичне, которая вела не только хирургию – сама оперировала. Она терапевт и педиатр, инфекционист, гинеколог и патологоанатом – и всё это в одном лице. Аракчеева Валентина Ивановна была операционной и старшей медсестрой. Акушерки роддома – Миронова Дуся, Селезнёва Люба – где-то они сейчас? И вот что интересно. Акушерка работала с 8 до 17 часов, а потом вся нагрузка ложилась на дежурную сестру больницы. Дежурная на втором этаже. Случись роды, и санитарка из родильного отделения звала сестру и они не уходили, пока не закончится всё в родовой комнате. Санитарки работали с большой нагрузкой. Сестры-хозяйки не было.

Люди и то время вспоминаются с трепетом и волнением. Это годы моей молодости. Я всю жизнь прихрамывала на левую ногу. Эта травма

была приобретена в детстве по вине врачей – почему я и выбрала профессию медика. В скольких душах моих коллег Бичура оставила след на всю жизнь!

Вместо итогов

Мы ограничили наше повествование шестьюдесятью годами истории медицины Бичуры – с появления первого врача и до 1950-го года. Но проблем не убавилось. Лечебные учреждения по-прежнему не имели ни одной автомашины. Больницы не электрифицированы. Лабораторные исследования, переливание крови на участках не проводились. Впереди – новые успехи и, увы, новые проблемы. Другие люди придут на охрану здоровья. Бичура знает имена первых местных врачей. Это Филипп Филиппович Селиванов и Макар Григорьевич Просвиренников. Лидер профсоюзной организации медицинских работников Филипп Филиппович представлял в Москве здравоохранение Бурятии на Всесоюзном съезде профсоюзов медицинских работников. Появились семейные династии: Спинёвы, Аникеевы, Просвиренниковы. Многие отдадут медицине 40 и более лет жизни. Стаж ныне работающей Светланы Ивановны Суворовой 60 лет, из них 28 она была главврачом. Её сын Александр Юрьевич Прадед работает невропатологом. Имена некоторых докторов мои земляки произносят с неизменным благоговением и болью. Эти люди слишком рано ушли из жизни: Морзян Клементьевич Манжигеев, Виктор Иванович Спинёв.

Взрастила Бичура таких врачей, как кандидат медицинских наук Сергей Миронович Кузнецов. Не думала, не гадала операционная сестра Людмила Андреевна Петрова, что выпадет ей командировка на войну, в Чечню, и в самые кровавые дни. Поставим здесь многоточие...

60 лет, последующие за 1950-м годом, – это уже совсем другая, новейшая история медицины Бичуры.

Нелли Коробенкова.